

ВЫШИТО БРИЛЛИАНТАМИ

Первой премьерой юбилейного 95-го сезона в Московском академическом театре им. Вл. Маяковского стал спектакль Юрия Иоффе «Блажь» П.М. Невежина и А.Н. Островского. Это прекрасный подарок артистам труппы и зрителям — юбилей начался классикой, прочитанной изобретательно и свежо.

О том, как возникло содружество опытного и начинающего драматургов, В.Я. Лакшин писал: «Явился на Пречистенку офицер Невежин в военном мундире, с рукой на черной перевязи, приехавший с русско-турецкой войны, и, едва разглядев в нем блески таланта, Островский кинулся его опекать, помог закончить и довести до спектакля пьесы «Блажь» и «Старое по-новому».

Но не просто закончить и довести — добиться цензурного разрешения, которое не было дано по многим причинам сюжета и характеров».

Признаюсь сразу: никогда пьеса «Блажь» не входила для меня в число самых любимых в наследии Островского. Может быть, по причине «двойного авторства», которое, как ни крути, ощущается в ней; может быть, потому, что в каких-то своих мотивах она напоминает пьесы великого драматурга... Но в премьерном спектакле Театра им. Вл. Маяковского вдруг увиделось в ней нечто, заставившее всмотреться в происходящее глубже, пристальнее. Этим «нечто» оказалась нечаянно пришедшая мысль о том, что большинство наших сегодняшних телевизионных сериальных ме-

Ольга — А. Мишина, Серафима — Т. Аугшкап

Серафима — Т. Аугшкап, Баркалов — М. Кремер

лодрам (некоторые из которых тянутся по две-три недели) вышло именно из этой «шинели», скорее всего, безотчетно, потому что мало кто помнит сегодня пьесу «Блажь».

Юрий Иоффе — режиссер тонкий, чуткий, прошедший школу Бориса Равенских, несколько десятилетий работавший с Андреем Гончаровым, умеющий тщательнейшим образом разбирать все детали текста и вязь отношений персонажей, ненавязчиво соединил, сплел в единую ткань те мотивы Невежина, что были Островским осмысленно сглажены или просто стерты, с четкой выстроенностью, присущей опытному драматургу. Это усилило мелодраматический эффект, приведший к прямо противоположному сегодняшним сочинениям на данную тему финалу. Если в окончательном варианте «Блажи» получается

так, что зло никаким образом не наказано, а силой «направлено на перевоспитание», которое неизвестно еще к чему приведет, а главная героиня Серафима Сарытова остается без особого нашего сочувствия, потому что ее «блажь» едва ли не привела к разорению крестницесестер, то в спектакле Иоффе оказывается, что наши симпатии, наше сочувствие полностью принадлежат именно ей, этой вдове-помещице, влюбившейся без памяти в молодого человека, назначенного управляющим имением и привыкшего под ее покровительством предаваться безделью, игре в карты, любовным утехам не только с хозяйкой, но и с горничной Марьей (**Мария Фортунатова**)...

В пространстве Малой сцены, где идет спектакль, художник **Анастасия Глебова** и художник по костюмам **Андрей**

Серафима — Т. Аугшкап, Баркалов — М. Кремер

Климов создают уютный мирок с богато накрытым столом, под длинной скатертью которого скрывается соломенный тюфяк с подушками, занавески, за которыми прячутся двери в другие комнаты, стильные и достоверные костюмы — и все это освещает своей счастливой улыбкой, сияющими глазами и почти детской веселостью и наивностью Серафима Сарытова. **Татьяна Аугшкап** играет эту роль блистательно, почти незаметно от эпизода к эпизоду меняясь, а к финалу старея на наших глазах, потому что отчетливо увидела «своего героя» в том его облики, о котором и не догадывалась, ослепленная чувством. И оказалось, что не чувство это вовсе, а просто — блажь стареющей женщины с нерастраченными любовью, желанием заботиться, поощрять каждый поступок.

Сарытова не замечает, кажется, ничего вокруг себя — младшие сестры-крестницы, которым принадлежит усадьба, только мешают ей (Юрий Иоффе делает их, как было первоначально у Неужина, дочерьми, подчеркнув, что отец завещал имение им, словно в предчувствии того, что с молодой матерью еще неизвестно, что будет происходить), еще больше мешают приехавшая «с инспекцией» сестра мужа, Прасковья Антоновна и ее муж Семен Гаврилыч. Работу **Елены Мольченко** и **Дмитрия Прокофьева** оценить уместнее всего определениями давних времен — настолько вкусно, сочно, широко рисуют они характеры своих персонажей. Столь же щедро **Любовь Руденко**, играющая уездную сваху Гурьевну, пожалуй, лишь чересчур комикующая местами. Возможно, от премьерного волнения...

Сестры Ольга и Настя открыто враждуют с крестной матерью, не скрывая своего гнева от ее блажи. Надо заметить, что в характерах сестер режиссер и актрисы **Анастасия Мишина** и **Анастасия Дьячук** обнаружили весьма современные черты; старшая, Ольга, точно и жестко знает, чего надо добиться

и идет к своей цели напролом — взгляд ее сосредоточен и откровенно жесток, пластика поддержана музыкой (композитор **Виолетта Негруца**, как всегда, интересно сочетает элементы классической музыки с собственными мелодиями). Если Серафима Сарытова в первом акте мечтательно читает стихи поэтов XIX века с интонациями мелодраматической декламации, что подчеркивает ее возвышенное состояние, то Ольга начисто лишена сентиментальности — пожалуй, ее неловкое заигрывание с соседом Сарытовой выскочкой Лизгуновым (хорош в этой роли **Виктор Довженко**), направленное «на пользу дела», достаточно отчетливо свидетельствует о четко выверенных планах этой девушки. Так же, как и то, что в нужный момент они с сестрой связывают Серафиме руки и запирают ее огромным амбарным замком, пока не уладится все с отъездом управляющего Баркалова в имение к Прасковье Антоновне и Семену Гаврилычу.

В роли Баркалова молодой артист **Михаил Кремер**, запомнившийся по спектаклю «Изгнание». Он играет не просто ярко и интересно, но очень современно, создавая тот тип молодого человека, пригретого богатой женщиной и обнаглевшего до последнего предела, что так хорошо знаком нам по сегодняшним мелодрамам с криминальным оттенком. Он умен, расчетлив, знает цену своим показным чувствам, умеет использовать любые возможности, а потому звучит именно из его уст обвинение Сарытовой: «Вы сами себе надели петлю, а я только затянул ее... Мальчишке, недоучке-гимназисту, получавшему 20 рублей в месяц, наполняют карман деньгами и говорят: трать! Я не был так умен, чтобы читать вам мораль и лекции о бережливости, и не был так глуп, чтобы отказать от денег. Я стал хлестать направо и налево... Стал мотать, обманывать, одним словом, вел себя достойно моей роли и не жалел вас, потому что вы не заслужили сожаления от меня... Если бы вы меня действительно любили, вы бы

Гурьевна — Л. Руденко, Митрофан — Д. Денисов

не допустили меня пасть так низко... Какая любовь? Эти слова нейдут к нам, — это не любовь, — это — блажь!»

И еще об одном исполнителе невозможно не упомянуть. Сын Гурьевны Митрофан, сыгранный **Денисом Денисовым**, казалось бы, не имеет никакой возможности проявиться, но его постоянный напев для увеселения Баркалова с компанией «Ах, юшечки, дрюшечки, крали мои...» под гитарный перебор, жизнерадостная улыбка и угодливость свидетельствуют о том, что рано или поздно этот мальчик найдет свою вдову и станет куда как похлеще управляющего Сарыговой. В отличие от матери, он понимает, что Настя — не по нему, слишком упряма, неумна и эмоциональна эта девица, а «синица в руках», которую он непременно поймает без указок матери, выведет его на иной, необходимый ему уровень существования...

Когда-то Александр Николаевич Островский сокрушался по поводу того, что артисты нового поколения Малого и Александринского театров пренебрегают текстом, нередко несут отсебятину, не задумываются о необходимости ансамбля. Родоначальником этой традиции называли петербургского актера В.В. Самойлова, утверждавшего: «Пьесы — это канва, которую мы вышиваем бриллиантами».

Юрий Иоффе талантливо «сшил» мотивы пьес Неvejeина и Островского, а артисты труппы Театра им. Вл. Маяковского вышили спектакль подлинными бриллиантами, доказав в который раз, что для этого совсем не обязательно пренебрегать текстом, а об ансамбле надо помнить всегда и везде.

Наталья СТАРОСЕЛЬСКАЯ
Фото предоставлены театром